

Грабёж по-честному

Kenneth Scheve and David Stasavage

Taxing the Rich

A History of Fiscal Fairness in the United States and Europe

Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2016, 288 pp., \$29.95 (cloth).

В 1930-е годы, посещая унылый валлийский поселок, будущий британский король Эдуард VII произнес знаменитую сентенцию: «надо что-то делать». Горестный тон этого замечания перекликается с нынешними lamentациями по поводу роста неравенства. Позволят ли введение более прогрессивной шкалы налогов действительно «что-то сделать»? Эта замечательная книга дает нам четкий ответ: «скорее всего, нет».

Одним из следствий широкого тезиса авторов является оригинальное объяснение ими побудительных причин резко прогрессивного налогообложения. Прежде чем к нему подойти, они сначала изящно опровергают две альтернативных версии. Одна из них гласит, что прогрессивное налогообложение является практическим воплощением критерия платежеспособности: богатые должны платить налоги по повышенной ставке, поскольку легче это переносят. Однако, как показывают авторы, повышение максимальных налоговых ставок, как правило, вовсе не являлось следствием повышенного неравенства до уплаты налогов. Согласно второй версии, усиление прогрессивности было вызвано распространением избирательного права, в результате чего имеющая численный перевес беднота голосовала за отъем благ у богатых, находившихся в меньшинстве.

Несостоятельность этого аргумента, однако, также доказываются авторами.

В итоге остается лишь предложенная авторами версия так называемой «компенсации», в соответствии с которой резко прогрессивные системы налогообложения с наибольшей вероятностью формируются в демократических обществах, где имеется та или иная навязанная государством базовая несправедливость, которую невозможно устранить другими средствами, особенно если «карты легли в пользу богатых, а раскладывало карты правительство».

Такая несправедливость проявляется по-разному, в частности в виде необходимых государственной казне налогов на широкий спектр биржевых товаров. Однако наиболее значимой причиной, которой авторы в своих рассуждениях отводят центральное место, является массовая военная мобилизация. Сюда относится, например, Гражданская война в США, с ее массовыми сборами и расхожими рассуждениями о том, что это «война богатых, а сражаются бедные». И действительно, прогрессивный подоходный налог тогда был введен обеими сторонами (последовавшая вскоре отмена федерального подоходного налога соответствует еще одному следствию версии о компенсации: прогрессивность ослабевает, как только базовая несправедливость теряет остроту). Под это же объяснение подпадают обе мировые войны, которым в книге уделяется пристальное внимание. С тех пор, однако, и мир, и способы ведения войны изменились. Именно по причине перехода от столкновений между массовыми армиями к высокотехнологичным средствам ведения войны авторы сомневаются в том, что нас ожидают дальнейшие периоды усиления прогрессивности, сопоставимые с событиями XX века.

Книга представляет собой методологическую модель. Авторы выстраивают свою аргументацию с опорой на широкий диапазон методов, таких как эконометрика, лабораторные эксперименты, анализ текстов и исторические описания. Особого внимания заслуживает собранный ими (и лежащий в основе анализа) набор данных о максимальных ставках налога на доход и наследство в 20 странах за период с 1800 по 2013 год.

Кеннет Шив и Дэвид Стасавидж заставляют нас задуматься о многом. Например, имеются, судя по всему, противоположные примеры массовой мобилизации, которая не при-

водила к резкому усилению прогрессивного налогообложения доходов или наследства. Одним из примеров является эпоха Великой французской революции, когда, по утверждению авторов, вместо этого были установлены другие прогрессивные налоги. Другим примером, вероятно, служит Израиль, где максимальная ставка подоходного налога (в том числе по принудительным займам) за семилетний период до и после войны 1967 года увеличилась приблизительно на 10 процентных пунктов, но минимальная ставка возросла примерно на 12 пунктов. И наоборот, в некоторых случаях прогрессивность усиливалась и без мобилизации: авторы упоминают о невоюющих демократических странах во время Первой мировой войны. Систематическое выявление и анализ примеров, свидетельствующих об обратном, позволяет лучше понять как силу, так и возможные ограничения версии о компенсации.

Однако самая главная из нерешенных книгой задач состоит, пожалуй, в том, чтобы раскрыть исходное понятие навязанной государством несправедливости. Приведенные доказательства важности и влияния в общественном пространстве аргументов о компенсации совершенно убедительны. Но что придает этим аргументам настолько большой вес, что они начинают всерьез влиять на политику? В первую мировую войну, например, офицерский состав в Великобритании нес гораздо большие потери, чем рядовые более скромного происхождения. Возможно, богатые в военное время готовы идти на необычные уступки потому, что в большей степени материально заинтересованы не проиграть войну («войну богатых»)? Почему негативная реакция на сочетание экстренной помощи компаниям и жесткой экономии бюджета последние годы не привела (пока) к усилению прогрессивности налоговой шкалы?

Авторы убедительно демонстрируют силу версии о компенсации. Судя по тому, каким успехом на предварительных выборах президента США в 2016 году пользуются заявления о перекосе системы в пользу богатых, теория компенсации не прошла незамеченной политтехнологами.

Майкл Кин,
заместитель директора
Департамента по бюджетным
вопросам МВФ